

Скандал, возникший после выступления руководителя театра «Сатирикон» Константина Райкина и ответа ему лидера байкеров «Ночные волки» знаменитого Хирурга, вызвал у меня в памяти множество разных картин, связанных с театром.

Вспомнилось, как в фильме «Старшая сестра» Татьяна Дорони́на великолепно читала отрывок из статьи В.Г. Белинского. Привожу кусочек из этого монолога:

«Любите ли вы театр? Что же такое, спрашиваю вас, этот театр?.. О, это истинный храм искусства, при входе в который вы мгновенно отделяетесь от земли, освобождаетесь от житейских отношений!.. Вы здесь живёте не своею жизнью, страдаете не своими скорбями, радуетесь не своим блаженством, трепещете не за свою опасность; здесь ваше холодное я исчезает в пламенном эфире любви... Если когда-нибудь ваша душа жаждала любви и упоения, в театре это жажда

вспыхнет в вас с новой неукротимой силой. Если когда-нибудь в ваших мечтах мелькал пленительный образ, забытый теперь вами, забытый как мечта несбыточная, в театре этот образ явится вновь, и вы увидите его глаза, устремлённые на вас с тоской и любовью! Ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нём, если можете!»

Любим мы театр, Виссарион Григорьевич, любим! Всегда собираемся в театр, как на праздник. Одеваемся во всё лучшее, готовимся к встрече с храмом искусства, очищаемся заранее и духовно, и телесно, предвкушая, как «жажда любви и упоения вспыхнет в нас с новой неукротимой силой».

Приходим на спектакль «Горе от ума», ожидая встречи со знакомыми со школы чудесными образами, созданными великим Грибоедовым. Но что это? Лиза на сцене вдруг задорно и похабно запекает современные матерные частушки. О, Боже! Где мы находимся? В истинном храме искусства?

Спешно покидаем этот хлам, торопимся на спектакль «Анна Каренина». И что же мы видим? Видим, как Анна Каренина пишет прямо на сцене! Куда мы попали? Разве это храм? Надо в Большой театр! Только в Большой! Он и с виду настоящий храм. Весь мир его знает. Гордость СССР! Там Пушкин сейчас идёт. С детства любимые «Руслан и Людмила». Но что

происходит? Почему совершенно голый Руслан гоняется по сцене за голой Людмилой? Что со мной? Не схожу ли я с ума? Не галлюцинации ли у меня? Нет, к сожалению, нет. Это голая правда на сцене!

Виссарион Григорьевич, вы любите такой театр? Разве может «здесь наше холодное я исчезнуть в пламенном эфире любви»? Разве не права зрительница, сказав: «Для того, чтобы увидеть гениталии, не обязательно идти в театр»? Разве не правы новосибирцы, которые прозвали свой Оперный театр, когда им руководил Мездрич, «театром оперы и борделя»?

Мы любим театр, нам хочется в храм, нам хочется, чтоб наша душа в этом храме отрывалась от земли, а нас опускают в бордель, в грязь. Не хочется больше в этот театр, чтобы слышать смешки в зале в ответ на мат со сцены.

Виссарион Григорьевич, если бы вы посмотрели спектакль «Князь» по роману Достоевского «Идиот» в театре «Ленком», наслушались со сцены мата, ни слова которого нет в великом романе, то уверена, вы согласились бы с театральным критиком Александром Минкиным, написавшим такие слова: «Мат разный бывает. Матерные слова вырываются сами в момент внезапной боли, внезапного испуга, внезапной аварии — это реакция спонтанная. Человек орёт матом, но без намерения кого-то оскорбить».

А вот когда матерные выражения прямо в лицо человеку говорит ублюдок, желая оскорбить, желая нагадить в душу, и делает это при женщинах и детях, он получает удовольствие. Такие попадались нам и на улице, и в маршрутке, и на детской площадке, куда нередко всякая шваль приходит вечером пить, вопить похабщину и совокупляться. У них такой образ жизни. В ответ на замечания они изумляются: «А чё такого?» — искренне не понимают.

На уличную похабщину люди натякаются случайно и бесплатно, а в театре — платят.

Похабщина на сцене «Ленкома» — тупая, бездарная, холодная, выученная и отрепетированная — это не смешно, а грязно. И артисты это понимают.

Но когда похабщина звучит со сцены, а рядом с вами ваша дочь, ваша девушка, ваш отец — стыд заставляет зрителей опускать глаза.

...Если нет таланта, проще всего привлечь внимание похабщиной. Путь вниз бесконечен».

Написав это, критик предлагает нам, зрителям: «Не ходить, не покупать билеты. Вы же не платите тем, кто блюёт и мочится у вас в подъезде, пусть даже у вас на подъезде нет мемориальной таблички «имени Чехова» или «имени Ленинского комсомола».

Видите, Виссарион Григорьевич, театральный критик предлагает нам не ходить в театр, который из «истинного храма искусства, при входе в который

вы мгновенно отделяетесь от земли, освобождаетесь от житейских отношений», превратился в истинный бордель, в который окунули даже Сына Господа Бога нашего Иисуса Христа, в котором мы не только не отделяемся от земли, но окунаемся в самую вонючую грязь.

Константин Райкин, обеспокоенный тем, что всё больше зрителей не хотят валяться в грязи в борделе, в который превратили театр глумливые режиссёры, снова захотели в «истинный храм искусства», сказал с трибуны театральным деятелям: «Меня очень тревожат — я думаю, как и вас всех — те явления, которые происходят в нашей жизни. Эти, так сказать, наезды на искусство, на театр, в частности. Эти совершенно незаконные, экстремистские, наглые, агрессивные, прикрывающиеся словами о нравственности, о морали, и вообще всяческими, так сказать, благими и высокими словами: «патриотизм», «Родина» и «высокая нравственность». Вот эти группки оскорблённых якобы людей, которые закрывают спектакли, закрывают выставки, нагло очень себя ведут, к которым как-то очень странно власть нейтральна — дистанцируется. Мне кажется, что это безобразные посягательства на свободу творчества... Мне кажется, сейчас, в очень трудные времена, очень опасные, очень страшные, очень это похоже... Не буду говорить, на что. Но сами понимаете. Нам нужно вместе очень соединиться и очень внятно давать отпор этому».

Вот так! Константина Райкина обеспокоила не бездарная похабщина на сцене, а то, что зрители стали возмущаться против мерзости и грязи. Именно то, что зрители снова захотели в храм и стали громко выражать недовольство мерзостью, творящейся на сцене, он назвал «беззаконным, экстремистским, наглым, агрессивным». Естественно, эта защита похабщины и разврата на сцене возмутила многих, мнение которых выразил Александр Залдостанов в одном из своих интервью.

«Дьявол всегда соблазняет свободой! — заявил Залдостанов. — А под видом свободы эти райкины хотят превратить страну в сточную канаву, по которой текли бы нечистоты. Бездействовать мы не будем, и я сделаю всё, чтобы защитить нас от американской демократии. Несмотря на все репрессии, которые они распространяют по всему миру!» — сказал лидер «Ночных волков».

Он также сказал, что сегодня Россия является «единственной страной, где действительно есть свобода». «Райкины в Америке не существовали бы, а у нас существуют», — категорично резюмировал Хирург.

Конечно, клеветникам России не понравились слова Залдостанова, шум поднялся, но байкер выдержал, не стал извиняться за свои правдивые слова.

Виссарион Григорьевич, вы спросите у меня: «Неужели в наши дни театр полностью

выродился? Неужели он перестал быть храмом? Неужели высокое искусство театра превратилось в России в сплошную матерную брань?» Нет, не печальтесь, есть ещё у нас истинные храмы искусства. Меня поддерживает в этом мнении знаменитый актёр Малого театра Николай Клюев, который сказал:

«Я помню, когда в Малом поставили «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, Госдума выкупила все билеты на один из спектаклей. «Неужели это было написано 150 лет тому назад?!» — этот вопрос читался тогда на лицах зрителей-думцев. Классика-то именно тем хороша, что она актуальна всегда. Потому что и любовь, и ненависть, и предательство — это всё будет волновать человека во все века. Потому что это суть человеческой природы. Вот этим и надо заниматься в театре — погружением в суть! Театр должен быть духовный. Если театр не духовный — значит, это развлечение, а не искусство... И неправда, что классика молодому поколению неинтересна! К 200-летию Лермонтова Малый театр поставил «Маскарад». Молодёжь была потрясена: «Слушайте, а мы и не знали, что классика может быть такой! Мы раньше ходили в другие театры, там музыка, дым, орут, мат... Оказывается, можно ставить и по-другому, и это здорово, современно!» Слава Богу, что у нас в Малом звучит великое русское слово».